

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ СЛОВЕНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

Надежда Н. Старикова

Институт славяноведения РАН, Москва

In the article is considered the development of one of the most productive and quantitatively predominant genres in Slovene literature – the historical novel – from its origin in the XIXth century till its golden age between the two World wars. The author has made an attempt to retrace its genealogy, to find necessary prerequisites of its emergence and to determine its role in the national cultural life. Genesis of genre gives an opportunity to mark some distinguishing features of genre poetics out and to estimate its valuable contribution not only to the national literature but also to the European ones.

Исторический роман можно отнести к бесспорным художественным достижениям словенской литературы: до настоящего времени это один из ведущих жанров словенской прозы. Развиваясь в общем русле национального литературного процесса, он во многом способствовал обогащению идейно-эстетического контекста литературы, обновляя собственную поэтику новыми художественными формами, пропагандируя идеи национального единения, политической и социальной консолидации, сопротивления внешней угрозе, патриотизма. Его живучесть и конкурентоспособность подтверждается в первую очередь количественно: почти 300 произведений, опубликованных за последние полтора века, весьма впечатляют, принимая во внимание особенности развития словенской литературы. Специфика исторической судьбы словенцев, их национального становления предопределила особую роль литературы в формировании самосознания и культуры этого славянского народа, лишь в 1991 г. обретшего государственную самостоятельность, обусловила неравномерность развития культуры в разные периоды истории.

С исторической тематикой в значительной мере связана классика любой литературы, ибо исторический жанр – это своего рода показатель ее жизнеспособности, состоятельности: он в равной степени захватывает и писателей, и читателей. Исторический роман – один из наиболее стабильных в мировой литературе. Самоутверждение нации, находящее выражение в осознании самобытности,

«единственности» языковых этнокультурных исторических традиций, стимулирует интерес ко всему национально значимому: истории, фольклору, письменности. Думается, это особенно актуально в отношении народов со сложной исторической судьбой, к каковым с полным правом можно отнести словенцев, сумевших в трудной и неравной борьбе отстоять свою национальную самобытность. Обращение словенских литераторов к национальному прошлому и в XIX в., и в XX в. закономерно: исторический роман, связывая эпохи, опирается на вырабатываемые ими представления о закономерностях общественного развития и находит основы для новой национальной, социальной, личностной идентификации.

Расцвет исторических романов и широкий читательский интерес к ним приходится в Европе на периоды строительства надсословного буржуазного национального государства (именно тогда в исторический роман приходят лучшие литературные силы эпохи, и жанр становится доминантным для художественной словесности, приобретает собственно литературные амбиции) или падают на периоды кризисов, катастроф, крупномасштабных испытаний для общества. В литературе славянских народов, боровшихся за независимость, вся жизнь которых протекала в атмосфере национального самоутверждения, в том числе и словенской, интерес к историческим жанрам пробуждается тогда, когда подъем национально-патриотических чувств, вызванных идеями национальной солидарности, становится одной из движущих сил в обществе. Патриоты видели в национальной истории и сохранении национальных традиций залог будущего прогресса, поэтому в исторических романах славянских авторов «практически всегда эксплицитно или имплицитно... присутствует ощущение исторической преемственности национального бытия» (Никольский 1997: 364). В словенском обществе интенсивный процесс формирования национального самосознания совпал с периодом романтизма. Ведущим стало воплощение идеи национального единения через воспевание национального прошлого и акцентирование внимания на ключевых этапах рождения нации. Развитое историческое сознание – неотъемлемый элемент мироощущения нации, стремящейся через интеллектуальное постижение истории, дополненное ее чувственным восприятием, «раскрыть в прошлом (хотя бы при помощи художественных догадок) нечто такое, что может быть замечено и понято только на основе нового исторического опыта» (Эйхенбаум 1986: 209).

У словенцев, которые на протяжении столетий жили в многонациональной Австрийской империи «на положении оттесненных», нация которых складывалась в условиях национально-освободительной борьбы, история возникновения и развития исторического романа напрямую связана с процессом объединения народа перед угрозой ассимиляции, от которой его удерживала, по мнению словенского историка Д. Кермавнера, «национальная гордость» (Кермавнер 1967: 1058). Одним из важных консолидирующих стимулов стало общее для жителей разных регионов и областей прошлое народа. «Что это за нация, – писал в 1835 г. поэт С. Враз Ф. Прешерну, – которая при создании своей литературы и в ходе духовной эмансипации не может опереться на какую-либо возвышенную идею? А где мы возьмем эту идею...? Может быть, в героических делах наших предков?» (Враз 1969: 173)¹.

Словенские земли, лежащие на границе четырех европейских природных регионов (Альпы, Панонская низменность, Динарские горы и Средиземноморье), связывавшие Балканы с Центральной Европой, были и остаются транспортным перекрестком северной Адриатики. Такое выгодное расположение на протяжении веков привлекало агрессивное внимание соседей. После того как прасловенское государство Карантания в VIII в. прекратило свое существование, словенская этническая общность более тысячи лет не только не имела собственной государственности, но даже не составляла единую административную единицу, относилась к разным воеводствам, маркам, графствам, входившим в состав мультинациональных империй (Священная Римская империя, Габсбургская империя) и государств (Австро-Венгрия, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Социалистическая Федеративная Республика Югославия). В XIX в. их земли были разделены между шестью провинциями Габсбургской монархии, из которых только в двух они представляли большинство населения. Как отмечает И.В. Чуркина, административная раздробленность явилась одной из главных причин формирования «провинциального самосознания. Словенцы, жившие в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия и т.д., чувствовали себя крайнцами, штирийцами, каринтийцами, но не единым народом» (Чуркина 1981: 323). Другой причиной отставания в развитии культуры была политика германизации, когда «государственная власть... открыто использовалась для торможения и подавления прогрессивных национальных процессов» (Фрейдзон 1981: 40).

¹ Цит. по: *Pogačnik J. Zgodovina slovenskega slovstva III. Maribor, 1969. S. 173.*

Словенское национальное самосознание формировалось в условиях гетерогенного двуязычия, в постоянной борьбе за язык, школу, книгу, что не исключало, однако, и большого позитивного значения немецкоязычной культуры: вплоть до начала XX в. знакомство с достижениями мировой науки и культуры осуществлялось в Словении посредством немецкого языка, Венский университет стал колыбелью для практически всех выдающихся словенских деятелей культуры XVIII–XIX вв.

Основой словенской национальной традиции стало, в первую очередь, сознание своей языковой самобытности. История словенцев – это прежде всего история языка, письменности и литературы. Главным следствием насильственной христианизации предков словенцев в VIII в., стало их приобщение к латино-славянской культурной зоне (*Pax Slavica Latina*). Словенский язык вынужден был пройти через существенные испытания: его литературно-письменная традиция была в период с XI в. по XVI в. прервана в своем развитии. Только в эпоху Реформации в XVI в., когда начинается процесс трансформации «земельного» сознания в национальное, она была восстановлена. Первая словенская книга вышла лишь в 1550 г. благодаря усилиям протестантского проповедника Приможа Трубара; первый полный перевод Библии, сделанный его единомышленником Юрием Далматином, – в 1584 г., как и первая грамматика А. Бохорича; первый словарь – в 1592 г.; первое периодическое издание (1779) и первый поэтический сборник (1806) – в период Просвещения. В последней трети XVIII в. с проникновением в словенскую культуру просветительских идей начинает складываться движение национального Возрождения, ускоряется и интенсифицируется литературный процесс, развиваются газетное дело и журналистика. В период Иллирийских провинций (1809–1813)² создаются предпосылки для формирования национальной модели романтизма, нашедшей воплощение в творчестве поэта европейского уровня Ф. Прешерна (1800–1849), подлинного «строителя» литературного языка XIX в. «Кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей в этих обстоятельствах знаменовали крупный шаг в сближении и слиянии отдельных локальных диалектических групп в преодолении местного патриотизма в консолидации нации» (Фрейдзон 1981: 41). Характерно, что даже границы национальных территорий, на которых

² В 1809–1813 гг. объединение словенских и хорватских земель, отошедших к Франции во время походов Наполеона; «иллиры», или «иллирийцы», – племя, населявшее в древности эти территории (*здесь и далее примечания автора*).

в канун «весны народов» 1848 г. настаивали сторонники Объединенной Словении в своей политической программе, были предложены ими в соответствии с границами распространения языка.

Судьба народа стала первопричиной той миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для него осознание единства словенской нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, и «вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе» (Лотман 1997: 27). Бесменно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные ценности, литература на самых разных этапах словенской истории, и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991), с одной стороны, становилась орудием внедрения в общественное сознание различных программ национального Возрождения, с другой – стремилась интегрироваться в общеевропейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых на протяжении своей истории входила Словения.

Эстетические идеи европейского запада, попадая на словенскую почву, проходили проверку национальной доминантой, рассматривающей их в первую очередь с точки зрения утилитарных потребностей словесности. Такова была естественная реакция нации, которая из-за изнурительного многовекового гнета была задержана в своем этнокультурном развитии. В конечном итоге это привело к нарушению классической европейской парадигмы литературного процесса: одновременному проявлению разностадиальных признаков, более позднему овладению некоторыми жанровыми формами. Сам исторический жанр появился в словенской литературе более чем с полувековым опозданием, если за точку отсчета взять первый европейский классический исторический роман Вальтера Скотта «Уэверли» (1814) – роман Й. Юрчича «Иван Эразм Татенбах» был опубликован лишь в 1873 г.

Несмотря на поздний старт, уже через полвека исторический роман стал одним из фаворитов национальной прозы, в полном смысле слова хранителем исторической памяти народа. Интерес к прошлому, обусловленный естественной потребностью человечества познавать мироздание, решать философские и нравственные дилеммы через обобщенный опыт, у словенских прозаиков напрямую связан с импульсами национального происхождения. Как в разное время

отмечали в 1917 г. И. Прегель и в 1964 г. М. Крамбергер, без обращения к истории нельзя было понять суть национального развития словенцев, его движущие силы, его специфику (Крамбергер 1964: 11; Прегель 1917: 25), то есть исторический жанр всегда активно включается в обсуждение жизненно важных для нации вопросов действительности. Внимание словенских авторов останавливается на так называемых рубежных коллизиях, определяющих портрет общества на историческом переломе, что позволяет через анализ конкретных особенностей исторического процесса прийти к пониманию его общих закономерностей и открывает выходы в современность. Остроконфликтный материал изобилует эпизодами противоборства духовных, философских, религиозных систем и нравственных представлений, созвучных духовным и этическим исканиям времени, в котором живут авторы.

Первое знакомство словенцев с оригинальной исторической прозой началось в середине 1820-х гг. с публикаций в немецкоязычных журналах Целовца «историко-романтических» новелл Иоганна фон Галленштайна, которые снискали необычайную популярность у «благородной» публики (немецкий язык был официальным языком Австрийской империи, знание его для граждан было обязательным). Оно произошло в канун так называемой вальтер-скоттовской лихорадки, когда произведениями «шотландского чародея» зачитывались Пушкин и Гоголь, Мицкевич и Байрон. Именно Вальтер Скотт, по мнению словенских литературоведов, «несет ответственность за появление на свет словенского исторического романа» (Хладник 1984: 65). Вальтер-скоттовская модель исторического романа, восходящая к приключенческой (Д. Дефо, Т. Смоллет, Г. Филдинг) и «готической» (Э.Т.А. Гофман, Ч.Р. Метьюрин, А. Радклиф) традициям оказалась наиболее понятной словенскому читателю и востребованной словенскими прозаиками.

Первые попытки создания оригинальной прозы на словенском языке, в духе Вальтера Скотта повествующей об исторических характерах и обстоятельствах, относятся к середине 1830-х гг. Сохранились два отрывка, написанных поэтом С. Вразом (1810–1851) в 1835 г. Год спустя выходит в свет «повесть в стихах» Ф. Прешерна – лиро-эпическая романтическая поэма «Крещение у Савицы», сюжет которой прямо апеллирует к национальной истории. Это произведение с полным правом названо словенской критикой «первым шагом к словенскому историческому роману» (Грдина 2003: 164).

Через десять лет после триумфа прешерновской поэмы словенская историческая проза обрела, наконец, первопроходца. Им

стал поэт, переводчик и литературный критик Ф. Малавашич (1818–1863), опубликовавший в 1846 г. ставшую настоящим бестселлером (за 60 лет переиздавалась шесть раз) повесть «Эразм из Ямы» с подзаголовком «Повесть XV века». История благородного витязя, жившего во второй половине XV в. Эразма Люгера, получившего прозвище Предьямский, упоминается в хрониках Вальвазора и Шенлебена. Находясь на службе при дворе Фридриха III, Люгер смертельно ранил на дуэли немецкого аристократа графа Папенхайма и был осужден на смерть. Он скрылся в своем неприступном замке, вырубленном в скале над пещерой Предьяма, откуда оказывал сопротивление брошенным на его поимку войскам во главе с триестским воеводой Равбаром, но был предан одним из своих слуг и убит, когда находился в самом уязвимом помещении замка – отхожем месте. Образ романтического героя-разбойника, находившегося в оппозиции к правящей династии Габсбургов и уничтоженного ею путем предательства, как никакой другой отвечал патриотическим настроениям накануне буржуазно-демократической революции 1848–1849 гг. в Австрии (Мартовской революции), когда расширение современной проблематики было затруднено из-за цензуры. После 1848 г. историческая тема благодаря целому ряду авторов (Е. Должану, Ф. Кочевару, В. Мандельцу, П. Огринцу, Я. Трдине и др.) становится одной из ведущих в словенской прозе, исторический жанр – одним из самых популярных.

Большинство авторов второй половины XIX в. проявили интерес к эпохе Средневековья, их внимание было сосредоточено на трех тематических узлах этого отрезка прошлого: деятельности графов Цельских по объединению словенских земель, турецких набегах и крестьянских восстаниях XV–XVI вв. Отдельные сюжеты и герои их произведений приобрели впоследствии архетипические черты, т.е. были реализованы как исторически сложившиеся общепринятые образы, прочно зафиксировавшиеся в народном и художественном сознании (например, Вероника Десеницкая, Герман Цельский).

Вслед за авторами к середине века в привлекательность исторической прозы начинают верить и отдельные издатели. Так, в 1852 г., приглашая читателей познакомиться с новым литературно-просветительским журналом «Словенска бчела» («Slovenska bčela» 1850–1853), его редактор А. Янежич обещал в скором времени предложить их вниманию «повести, особенно исторические, переведенные с других славянских языков» (Янежич 1852: 24). Произведения польских, чешских, хорватских авторов (Л. Вукотиновича, Г. Жевусского, Й. Линды), в основе которых были

занимательный сюжет и национальная идея, тоже приучали словенских читателей к новому жанру. Впоследствии словенские исторические романы и повести, а также комментарии к ним будет широко публиковать литературно-критический журнал «Люблянский звон» («Ljublanski zvon» 1881–1941), на страницах которого появятся такие принципиальные для развития жанра произведения, как «Разбойники» (1881) Й. Юрчича и Я. Керсника, «Словенский праведник и учитель» (1886) Й. Юрчича, «Vita vitae meae» (1883) И. Тавчара и др.

К 1860-м годам относится и первая публичная дискуссия о взаимоотношении истории и литературы и о важности в последней патриотического компонента, которая велась на страницах газеты «Новице» («Kmetijske in rokodeljske novice» 1843–1880). Тогда же общество св. Мохора³ учреждает едва ли не первую в истории Словении литературную премию за оригинальное прозаическое произведение, объемом в пять полос, сюжет которого – отечественная история. Ее в 1864 г. за повесть «Юрий Козьяк» получает Й. Юрчич, в творчестве которого историческая повесть и исторический роман заняли одно из ведущих мест. Именно Юрчич, крупнейший прозаик, автор первого словенского романа «Десятый брат» (1866), по праву считается истинным «отцом» и популяризатором национальной исторической прозы: его беллетристику с одинаковым интересом читали самые разные слои населения. Следуя за Вальтером Скоттом, он попытался «приспособить» классическую форму исторического романа к своим мировоззренческим позициям, не лишив ее при этом художественной привлекательности.

Первый словенский исторический роман «Иван Эразм Таттенбах» Юрчича, опубликованный в журнальном варианте в 1873 г., повествует о словенском «эхе» антигабсбургского заговора второй половины XVII в., завершившегося трагически. Один из инспираторов заговора, штирийский феодал немецкого происхождения Таттенбах, проявляющий симпатию к местному населению, вместе с группой единомышленников готовит отделение Венгрии и южнославянских земель от Австрии. Ему помогает секретарь Балтазар Рибель, посвященный во все тайные подробности. Однако сластолюбие и жестокость Таттенбаха, разлучившего своего слугу с возлюбленной, а потом и ее смерть заставляют Балтазара мстить, и он доносит на своего господина. Юрчич с успехом показывает характер, являющийся порождением эпохи, – авантюриста, для которого важна не сама

³ Религиозно-просветительское общество, основанное в Целовце в 1851 г., издательство которого выпускало книги на словенском языке.

высокая цель, а процесс ее достижения. При этом озабоченность героя национальным вопросом – не более чем натяжка, как пишет М. Кмецл, «курьез, а отнюдь не пример высокого служения родине, которому в 1870-е гг. могли бы следовать борцы за идею» (Кмецл 1986: 87). Неудачную попытку обезглавить господствовавшую династию прозаик попытался представить как стремление основать южнославянское государство, хотя исторические документы доказывают лишь комплот венгерских вельмож против австрийской власти.

Вслед за Юрчицем традицию национальной исторической прозы с успехом развивали В. Бартол, Ф. Бевк, И. Ваште, Ф. Говекар, Ф. Детела, А. Кодер, И. Лах, М. Маловрх, Ф.К. Мешко, Р. Мурник, М. Плетершник, И. Прегель, А. Слодняк, И. Тавчар, Ф. Финжгар, А. Царли, И. Шорли и многие другие. Опираясь на события отечественной истории, воссоздавая местный колорит и историко-культурную атмосферу, эти авторы через национально окрашенный, часто легендарный материал, стремились, каждый на своем уровне, отразить своеобразие национального характера на определенном отрезке исторического времени и, насколько это было возможно, соотносить историю и современность.

В XX в. жанр достигает своего пика в межвоенный период. 1920–30-е гг. в словенской литературе – время активизации отдельных жанров, обновления их поэтики, «оживления» новых тем и форм. На фоне общего нарастания дифференциации литературного процесса взаимодействие разных идейных, философских, эстетических тенденций происходит как внутри литературного течения или в творчестве отдельного автора, так и на уровне одного произведения. Это характерно и для исторического романа, который, образуя системное целое, трансформирует топику романического, определяющую своеобразие конкретных разновидностей жанра, продуцирует и стимулирует жанровую рефлексию. В этот период впервые заявляют о себе созданные на материале национального прошлого социально-исторический роман-хроника, социально-исторический роман-эпопея, историческая художественная биография, апеллирующий к мировой истории историко-философский интеллектуальный роман. При этом, с одной стороны, национальная история все глубже осмысливается словенскими прозаиками как источник конкретного социального и духовного опыта, с другой – они акцентируют свое внимание на всеобщем, на том, что вопреки временным границам сближает людей разных эпох. За подробностями исторического быта авторы видят «абсолютное бытие», ищут в

прошлом общечеловеческое, универсальное начало. Этот процесс накопления и трансформации «исторического» как эстетического аналога социокультурного продолжит свое развитие в литературе второй половины XX в. Именно в 1930-е гг. национальная литература получает первый в полном смысле новаторский исторический интеллектуальный роман, синтезирующий черты романа философского, психологического, приключенческого, – «Аламут» (1938) В. Бартола, – произведение, которое в определенном смысле опередило свое время. Внимание автора привлекают события восьмисотлетней давности, последствия которых не просто повлияли на всю дальнейшую биографию человечества, но остаются актуальными и в XXI в., а именно – история зарождения терроризма, у истоков которого стоял ислам. Одним из первых в европейской литературе Бартол обращается, с одной стороны, к столь экзотическому для европейской культуры, с другой – абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому смыслу материалу мировой истории, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX в. необычайно актуальным. В лице исторического романиста Бартола словенская литература впервые получает тот особый тип писателя, для которого философские размышления и художественное творчество составляет живое единство, так что философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуальным мышлением. Одновременно со своими великими современниками Т. Манном, Г. Манном, Л. Фейхтвангером словенский прозаик осмысляет историю как источник не только социального и нравственного, но и духовного опыта, метафорически связывая ее с современностью. Такой взгляд на исторический процесс через диалог прошлого и настоящего будет активно использован прозаиками Словении в дальнейшем.

Библиографический список

- Grdina I.* Zgodovinski roman v slovenski književnosti / I. Grdina // *Obdobja* 21. Zgodovinski roman. Ljubljana, 2003. S. 164.
- Hladnik M.* Pot slovenske zgodovinske pripovedne proze v 20 stoletje / M. Hladnik // XIX SSJK. Ljubljana, 1984. S. 65.
- Janežič A.* Povabilo na naročbo Slovenske bčele / A. Janežič // *Novice*, 1852. Oglasnik № 50. S. 24.
- Kermavner D.* Oktobrška revolucija in slovinci / D. Kermavner // *Sodobnost*. 1967. № 11. S. 1058.
- Kmecl M.* Babji mlin slovenske literarne zgodovine / M. Kmecl. Ljubljana, 1986. S. 87.
- Kramberger M.* Visoška kronika. Literarnozgodovinska interpretacija / M. Kramberger. Ljubljana, 1964. S. 11.

- Pogačnik J. Zgodovina slovenskega slovstva III / J. Pogačnik. Maribor, 1969. S. 173.*
- Pregelj I. Iz poetike / I. Pregelj // Mentor. Ljubljana, 1917. № 1-2. S. 25.*
- Лотман Ю.М. А.С. Пушкин. Биография писателя / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство, 1997. С. 27.*
- Никольский С.В. Введение. Литература 50-х–80-х годов XIX века / С.В. Никольский // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. II. С. 364.*
- Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи / В.И. Фрейдзон // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 40-41.*
- Чуркина И.В. Национально-политические идеи словенцев в 1848- начале 70-х годов XIX в. / И.В. Чуркина // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 323.*
- Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова / Б. Эйхенбаум // О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 209.*